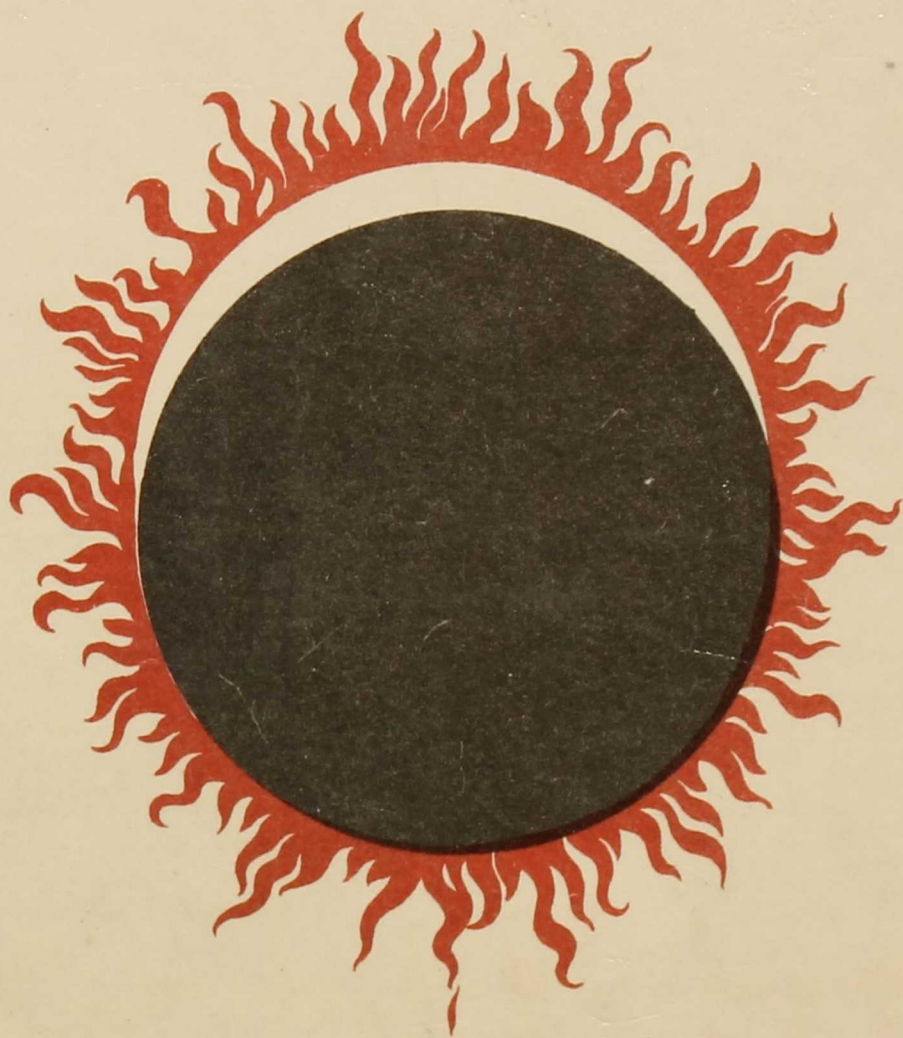

P2
9-91

Виктор Астафьев

**Медвежья
кровь**

Р2
А-91

Виктор Астафьев

Медвежья кровь

Рассказы

КРАСНОЯРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1990

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

МЕДВЕЖЬЯ КРОВЬ

В конце прошлого года довелось мне с попутчиками пробраться в верховья реки Малый Абакан. Дивные его красоты описывать не стану, потому что местам абаканским миллионы, а может, и миллиарды лет, слову же нашему — всего тыщи, и, как ни вертись, как ни изощряйся, слабо оно и зачастую бессильно отразить могущество и дух природы. Кроме того, отразишь увиденное диво, как и чем тебя бог сподобил, и туда, к диву-то, и попрут любители экзотики со спичками, с ружьями, с пилами, с топорами, острогами, взрывчаткой да и порушат все вокруг весело и бездумно. Я уже не один справедливый упрек получил от земляков за то, что стравливаю родную природу оглодемпотрошителям да искателям приключений, «расписывая» ее, но против красоты устоять очень трудно, так вот и тянет, так и подмывает поделиться радостью приобщения к ней, прикосновения взглядом и сердцем к прекрасному.

Ввысь уходят громады гор, одна накатывает на другую широким плечом, скалою голой иль утесом держатся кручи над рекой. В небо вздымаются увалы, над увалами синеют аккуратно сметанными стогами сопки, очесанные с боков вешними потоками, грозowymi ливнями. А дальше дальние, верхние сопки похожи на праздничные куличи, облитые белым и сладким. Там, в вышине, в позапрошлом непогожее лето не растаяли, пролежали до новых холодов снега. Утрами плотно залегали над ними густые туманы и облака, отгораживая собою крутые дали и вовсе уж холодные выси, запредельные для глаза и ума, доступные лишь дикому зверю да вертолету. Душу леденит недоступностью и неподвластностью этих далей, и кровь замирает, когда пытаешься представить, что там, за ними, за этими задумчиво-надменными громадами. Наверное, другой свет.

Берега и склоны гор над Абаканом и по Абакану беспрерывно меняются, вода задирает нос лодки, упирается в нее, хлещет волной и брызгами в перекатах и на поро-

гах — не пускает вверх река, не дает ходу лодке. Но ревет мотор, грызет воду, хлопает носом по волне — разве железо удержишь и осилишь?!

По склонам кедрачи, кедрачи. Старых мало, все больше молодые. Редко займется сопка островерхим ельником и пихтачом, сверкнет распадок или пологая покать белоствольем берез, к ручьям и буйно вырывающимся, одичалым от завалов и каменного удушья речкам жметя чернолесье с там и сям вознесенными над ним вдовыми раскидистыми осинами. И обязательно на отбитой от леса, отчужденно растущей ели или пихте чернеет птица, чаще всего это ворон или канюк. Сидит окаменело, дремлет или о чем-то думает неторопливую вечную думу. Спугнутый звуком мотора, вдруг раскинет старый хищник широкие крылья и властно закружит с недовольным ворчаньем иль криком над тайгой, забираясь с каждым кругом все выше, все дальше, в доступные лишь ему глубины неба.

Лес по склонам гор смотрится как бы стоящим в грязи, загустелой, повитой жилами и жгутами белой и рыжей пены. Но это не грязь и не пена, это крошево древних вулканических лав. Когда-то давно, но для природы совсем недавно, выгорел таежный слой земли. Слой тот на крутых обвалах и склонах удерживали, сцепившись друг с дружкой, кусты, подлесок, мхи и травы, по ним черничник, брусничник, колдовской бадан, праздничный багульник, неприхотливая акация, пенистый горный таволожник и шипица, марьин корень и богородский корешок — лесной ландыш, даже двулистная заячья капуста держала в корешках комочки землицы и сохраняла его, а он ее.

Все съел огонь, все испек, обратил в пепел. Однако воспрянули ростки из земных глубин, из корней, глубоко и крепко впившихся в землю, но камень держать некому, и он сыплется, сыплется по склонам, ползет темными потоками, издали похожими на грязь, и его пытаются остановить, закрепить все те же слабошерстные рыжие мхи, упрямые травки, стойкие цветки, зацепистые кустарники. Где-то там, в завалах камней, растет загадочная ягода кызырган, похожая на красную смородину, но двух она цветов — красная и черная, и, когда ешь ее, по пальцам сочится красная влага, которая даже мылу не дается, от рубак и совсем не отстирывается, влага эта резкая, кислая, вселяющая в тело силу и уверенность в здоровье.

Ах, кызырган, кызырган, надежда наша! Уповать приходится уж на такие дива, как ты, может, всем кустам, ягодникам и деревьям дано будет укрепиться на каменной

земле, да так, что не выдернуть, не свести живучие корни никакими техническими и химическими силами, а соку и силы в них прибудет от сопротивления прогрессу, и будет он такой крепости, что даже чахнувшее человечество взбодрится, отведав его, может, даже поумнеет, образумится и перестанет пилить тупой пилой недоумия сук, на котором сидит.

Местами камень укрепился: где до колен, где и до пояса стоящие в нем кедрачи начали организовывать вокруг себя полянки, уже и зеленые продухи там и сям видны. Но в камнях, в осыпях под камнями сочатся вешние или ливневые воды, подтачивают коренья, смывают слабую крепь, и тогда с долго не умолкающим гулом, гибельным треском, набирая стремительную силу, каменная лавина обрушивается, низвергая все на своем пути. С последним стоном гибнут в лавине звери и птенцы в гнездах, кричат и попичьи плачут взмывшие в воздух из засидок или от выводков пернатые матери, скорбно хрустит ломаемый лес, соря обломками, щепой и корьем, рушится он вниз, в реку.

Лежат в Абакане глыбы и плиты, будто после взрыва, торчат из завала вершины деревьев, скомканные кусты, обглоданными костями белеют переломанные, искореженные стволы лесин, и, упершись в завал, ревет, пенится, бьет новую дорогу иль с шумом валится на другой берег и без того неистовый, без того обвальный, извилистый и яростный Абакан.

Но вот галечная коса пестрым, остро загнутым кулициным крылышком раздвоила Абакан — на Большой и Малый. Большой, как ему и положено, мощнее Малого, но Малый норовистей Большого, и наша лодка еще выше задралась носом, еще громче и натужней захрапел мотор, одолевая кручи взбешенной, к брату своему рвущейся реки. Здесь, при слиянии двух рек, в уремной, густолесой пойме, стойбище старообрядцев Лыковых, вдруг сделавшихся знаменитыми на всю страну. Помимо журналистов, ринулись в тихое, потаенное становище разные люди, жаждущие зрелищ и развлечений. Привела сюда изможденный, изъеденный комарами отряд беззаветно преданная своему делу пионервожатая — чтоб дети разом и навсегда усвоили: ученье — свет, а неученье — тьма.

«Зайдем!» — показывают рукой в глубь густолесья спутники, старающиеся развлечь меня чем позанимательней.

«Только меня там и не хватало!» — перекрывая гул воды и рев мотора, ору я. И хотя голос относит и глушит, спутники поняли меня и успокоились. Один из них, местный журналист крепкого и несуетного пера, был у Лыковых

не раз и не два. Останавливался у Лыковых еще в пятидесятые годы один из организаторов здешнего заповедника, умный лесной ученый и писатель Алексей Александрович Малышев, ныне проживающий в Теберде. Но ни журналист, ни писатель не сотворили сенсаций из деликатного материала, писали о житье-бытье Лыковых без «страстей и ужасов», писали осторожно, не засвечивали их, как кротов, которые, будучи вынутыми из земли, на свету просто-напросто погибают.

Свежие могилы возле лыковского стана да будут наглядным уроком и укором всем, кто любит блудить ногами по лесу, пером на бумаге; помнить об этом надо для того, чтобы трагедия семьи старообрядцев не повторялась нигде более, а если уж так хочется новоявленным филантропам помочь людям, берусь указать деревни поблизости от Москвы или хотя бы в той же современной России, где многие семейства, в особенности старые люди, нуждаются в неотложной помощи, внимании, порой и в защите.

Наша лодка прошла еще один пережат и устремилась в узенькую протоку, где попрыгивала мелкая вода по скользким камням, и, скребнув раз-другой по дну винтом, ткнулась в камни носом, ткнулась и замерла.

И такая тишина окружила и овевала нас, что все мы какое-то время сидели не шевелясь и как бы не веря, что кончился встречный шум воды, что не движется мимо земли с берегами, скалами и лесами, оборвался звон мотора, к которому уже привыкло, притерпелось не только ухо, но и весь ты попал в его власть, все твое, книжно выражаясь, существо слилось и даже примирилось.

— Ра-а-азгружа-айсь! — весело возгласил кормовой и подрыгал затекшими ногами и руками.

Протока оказалась вовсе и не протокой, а устьем речки, запутавшейся в чернолесье с местами уже свалившимся пыреем, обнажившим в середине сохранившиеся кусты смородины с рясной ягодой, от инеев, ее прихвативших, сморщенной и сладкой, что виноград.

В устье речки, в исходе ее, на плешине, очищенной от больших деревьев, стояла, нет, не стояла — жалась прелым задом в бузину, крапиву и мелкий осинник охотничья избушка, открытая для всякой живой души, жаждущей отдыха и приюта.

Одним окном на восход и на реку гляделась эта давно беленная изнутри избушка, пол в которой лежал уже на земле, половицы прогнили по стыкам и в щелях, да еще и

мышы поработали под плахами. Печь с плитой, сложенная из кирпича, исцелилась, глина над плитой выгорела, известка осыпалась. На полках, прибитых к стене, лежали оставленные ночевальщиками хлеб, соль, сахар в пачках, газеты и журналы «Охота и охотничье хозяйство», «Здоровье», «Крестьянка», «Огонек» и другие разрозненные издания прошлогодней давности, доступные подписчику отдаленной глухомани. К матице избушки были подвешены два холщовых мешка с сухарями. За печкой теплая лежанка, вдоль стены нары, на них, прикрытый стеганым одеялом, с исподу лохматящимся грязной ватой, матрац, пуховая подушка в заношенной наволочке — все вышедшее из пользования, моды и хозяйственного обихода сплавлено расчетливыми хозяйками в тайгу — для пользы дела.

Две керосиновые лампы без стекла, три-четыре стеклянные банки с крошеным, сорным рисом, банка из-под минтая для окурков, удочки в пристрое, растрескавшийся шест над печкой для просушки одежды, гвозди, вбитые в стены. Вот и весь обиход промыслового охотника. И как я представил себе длинную зимнюю ночь, отшельное житье в этом вот промхозом возведенном строении, тоскливо мне сделалось. Но ведь были когда-то избушки и убоже этой, топились по-черному, согревалась изба каменкой, стало быть, собранными по берегу некрупными булыжниками, выложенными очагом, и дым выходил в отверстие в стене или в потолке. И это отверстие — лаз — зачастую использовалось как дверь для входа и выхода. Низкие, топором рубленные избушки почти до крыши закапывались в землю — для тепла; нары из жердей, постель из травы, топливо по норме — все из-под топора, топором же много не натюкаешь, железа почти никакого, всюду дерево, и освещение от таганка или от лучины, да если еще в каменку попадет дресвяной камень, и получится очаг угарным.

Ох, модники и модницы всех времен! Если бы вы знали, как достаются охотнику пышные, роскошные, в цариц и неприступных красавцев вас обращающие меха, так, может, шкуры зверья и не пялили бы на себя и приветствовали бы науку и прогресс, одевающие нас в искусственные, муками, смертью и кровью невинных зверушек не оплаченные, наряды, тем паче, что зверушек тех в лесу да и самого леса на земле остается все меньше и меньше.

Хозяин этой избушки поднимется сюда на лодке или будет заброшен вертолетом через полтора-два месяца, с собаками и грузом. Ему все же легче жить и работать, чем его предку. Перед избушкой толстенный, коренастый пенёк,

СОДЕРЖАНИЕ

Ясным ли днем	3
На далекой северной вершине	32
Синие сумерки	41
Митяй с землечерпалки	61
Яшка-лось	79
Тревожный сон	90
Курица — не птица	107
Сашка Лебедев	117
Жизнь прожить	147
Вимба	189
Светопреставление	207
Слепой рыбак	225
Медвежья кровь	243
Тельняшка с Тихого океана	263
Без последнего	300
Ловля пескарей в Грузии	309
Ельчик-бельчик	338
Тихая птица	361
Людочка	366
Мною рожденный	404
Улыбка волчицы	422
Тоска по вальсу	438
Слякотная осень	442
Паруня	450
Русский алмаз	472
Голубое поле под голубыми небесами	482
Медведи идут следом	498

Астафьев Виктор Петрович

МЕДВЕЖЬЯ КРОВЬ

Редактор **Г. Н. Ермолина**. Художественный редактор **Г. В. Соколова**.
Художник **В. В. Бахтин**. Технический редактор **А. Г. Малышева**. Кор-
ректор **В. Н. Ключина**. Сдано в набор 20.04.90. Подписано к печати
02.08.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Гарнитура Ли-
тературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 26,88. Усл. кр.-отт. 27,45. Уч.-
изд. л. 29,55. Тираж 25 000 экз. Заказ 74. Цена 2 р. 10 к. Красноярское
книжное издательство, 660049, г. Красноярск, пр. Мира, 98. Типография
«Красноярский рабочий», 660049, г. Красноярск, пр. Мира, 91.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48